АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ



№ 1 ЯНВАРЬ 1989

# Вопросы истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года.
Москва. Издательство ЦК КПСС „Правда"

# СОДЕРЖАНИЕ



## СТАТЬИ



## *ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ*



## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА



## ВОСПОМИНАНИЯ



## СООБЩЕНИЯ



## ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ



## ИСТОРИОГРАФИЯ

## ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ



## ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ



Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 05.12.88. Подписано к печати 17.01.89. А-00210 Формат 70×108 1/16.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 2329. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

# ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

## ПОЛЕМИКА НУЖДАЕТСЯ В ПРОДОЛЖЕНИИ

Не могу согласиться с тем, что публикацией писем В. В. Ложкина и К. Ф. Шацилло [1] по поводу статьи А. В. Ушакова «Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции» (Вопросы истории, 1987, № 10) журнал должен поставить точку в завязавшейся полемике. И дело не только в том, что высказанная А. В. Ушаковым критика в адрес авторов писем представляется мне более убедительной, чем их возражения. Дело в исторической правде, в методах и средствах ее постижения, в целевой направленности критики, которая в идеале должна быть средством поиска истины, а не личной обидой.

Возражение авторам писем напрашивается прежде всего потому, что в их аргументах и позиции проявляется стремление принимать партийность не за категорию объективности, а как политическую злободневность, придерживаясь, по существу, давно отвергнутого публично, но постоянно присутствовавшего в историографии принципа – история есть политика, опрокинутая в прошлое. Одним из частных (но совсем не маловажных) следствий такого подхода является отнесение всех высказываний немарксистов, исследующих революционное движение в России, в разряд буржуазных фальсификаторов с соответствующей оценкой их работ.

В самом деле, почему в нашей историографии нет ни одной работы (и А. В. Ушаков прав в этом), дающей обобщенное представление о роли интеллигенции в формировании и развитии марксистской рабочей партии? Разве революционеры-профессионалы не заслужили того, чтобы историки по достоинству оценили их вклад в жизнедеятельность рабочей партии и в революцию? Наряду с этим справедливо ли с научной точки зрения подходить (как это делает К. Ф. Шацилло) к определению места в революционном движении, в подготовке социалистической революции тех или иных представителей демократической интеллигенции, опираясь лишь на факты их личностного отношения к этой революции? Ведь субъективная позиция исторического деятеля в различных ситуациях не должна заслонять или предопределять оценку объективной значимости его деятельности. Известно, что не только А. М. Горький, но и ряд большевиков не поддержали в 1917 г. ленинский курс на социалистическую революцию, но этот факт не может служить основой отрицания их заслуг на предыдущих этапах исторического движения к ее победе.

По-видимому, освобождение от догматического доктринерства «Краткого курса» истории ВКП(б) продвинет историков и в более широком плане к научно-объективному решению проблемы соотношения демократического и социалистического в Октябрьской революции, на этапах предшествовавшей ей классовой борьбы, а в связи с этим – и к уточнению роли демократической интеллигенции в трех российских революциях. В 1917 г. между пролетарско-социалистической и мелкобуржуазно-демократической революционностью в их партийно-политическом (но не классовом) выражении пролегла пропасть. Отказ от курса на социалистическую революцию отбросил мелкобуржуазную демократию в лагерь врагов революции. Именно этот факт лег в основу отношения советской историографии к мелкобуржуазной демократии: ей было отказано в революционности на этапе не только социалистической, но и демократической революции. Титул «прислужницы буржуазии» был выдан и всей демократической интеллигенции. В партийно-политическом плане революционерами остались только большевики, в социальном – пролетариат и крестьянство. Из этой схемы вполне логично вытекало пренебрежение к демократической интеллигенции, в том числе к ее лучшим представителям, оставившим глубокий след в истории революции.

Прослеживается ли в нашей историографии связь указанной схемы с трактовкой роли партийной интеллигенции в рабочем движении, с показом ее в создании и развитии марксистской партии в России? Да, прослеживается, и книга В. В. Ложкина [2] тому доказа-

[1] См. Вопросы истории, 1988, № 5, с. 142–148.

[2] Ложкин В. В. Когорта славных. Рабочие-революционеры в борьбе за создание ленинской партии. 1894–1903 гг. М. 1986 (отсылка к ее страницам дается в тексте).

тельство. По существу, автор поставил целью убедить читателей в том, что на одном из этапов превращения социал-демократии из политического течения в партию (1894–1903 гг.) рабочие играли в ней если не определяющую, то не менее значительную, чем интеллигенты, роль. В то время, когда социал-демократия находилась на уровне кружков и групп, недостаточно оформленных не только организационно, но нередко и идейно (1895–1896 гг.), В. В. Ложкин насчитывает среди членов РСДРП больше половины рабочих, не смущаясь тем, что участник подпольного кружка и член РСДРП – совсем не одно и то же, что для правильного употребления понятия «партийность» требуется различать время 90-х годов XIX в. и начала 900-х годов в социал-демократическом движении.

Далее, у В. В. Ложкина в те же годы рабочие наряду с интеллигентами решают «историческую задачу внесения социализма в рабочее движение» (с. 58), выступают авторами марксистских «книг, брошюр, статей, листовок» и, более того,– в 1899–1900 гг. их перу принадлежало свыше 30% всей марксистской литературы (с. 61). Рабочий-революционер был главным действующим лицом в издательской деятельности, пишет автор (с. 92), основной фигурой в хранении и распространении нелегальной литературы (с. 137). Именно рабочие, а не революционеры-профессионалы «сыграли выдающуюся роль в осуществлении ленинского организационного плана создания партии», они же в то время «составляли значительную часть руководителей партийных организаций» (там же).

Все это представляло бы интерес, если бы не являлось попыткой «улучшить» историю. В. В. Ложкин, сообщая в предисловии, что предпринятое им «вычленение рабочих в живом организме социал-демократии носит условный характер» (с. 9), в содержании книги об этой условности забывает. Фактически им движет стремление доказать, что не только по своему составу, но и по *функциональной роли рабочих марксистская* партия в России еще до своего возникновения уже являлась рабочей. Благое дело: сразу дать отпор «буржуазным фальсификаторам» и новую позицию советским историкам. Однако необходимой для того и другого совокупности новых конкретно-исторических фактов в книге нет. Есть старый метод иллюстрирования отдельными примерами воздвигнутых автором обобщений. Опора В. В. Ложкина на его систему поиска сама по себе не делает его позицию убедительной и прочной, поскольку не воссоздается новая картина исторической реальности.

Нельзя ведь говорить всерьез о том, что на этапе превращения российской социал-демократии из течения политической мысли в партию ее идеологи, те, кто стоял у ее истоков, могли опираться на широкий круг рабочих, овладевших научным социализмом и способных к самостоятельной аналитической работе. Разумеется, рабочий, прошедший в течение ряда лет марксистскую подготовку в подпольных кружках, мог стать (и обычно становился) пропагандистом революционных идей. Но этого было мало для самостоятельного теоретического и политического мышления, для выработки основополагающих принципов создаваемой партии. На этом этапе руководители рабочего движения, как никогда позже, должны были обладать не только умением следовать в русле определенной идеологии и организации (этого было мало), но и способностью к творческой разработке того и другого, материальными условиями для интеллектуальной деятельности.

Если следовать В. В. Ложкину, то нельзя понять, почему в руководящих центрах социал-демократических организаций 90-х годов XIX в., а затем и в комитетах РСДРП начала 900-х годов основную тяжесть подпольной работы несли на себе представители социалистической интеллигенции, *почему среди* агентов «Искры» было лишь двое выходцев из рабочей среды, среди участников первых трех съездов РСДРП – лишь трое рабочих и т. д. Что это – следы засилья интеллигенции (о чем не раз кричали демагоги от рабочего движения) или отражение сложности и трудности процесса создания рабочей партии? Противопоставление рабочих и интеллигентов (пусть и не в политической практике, а в историческом освещении) – занятие неблагодарное и опасное. В. В. Ложкин, видимо, полагает, что вряд ли кто-либо усомнится в предлагаемых им поправках к историографии, а усомниться необходимо, поскольку стремление улучшить историю силами историков всегда было занятием за пределами науки и не служило пониманию прошлого.

Информативной базой для автора книги и его системы послужили материалы биобиблиографического словаря социал-демократов, в основу которого были заложены в значительной мере мемуарные и автобиографические источники, собранные в 20-е годы[3]. Об их значительном субъективизме говорилось уже во время составления словаря[4]. Кроме того, В. В. Ложкин опирается лишь на часть совокупных данных, не имея представления об их полном объеме, не задумываясь над обстоятельствами, влиявшими на отбор персоналий. Все это требовало от него особой осторожности в обобщениях, признания гипотетичности их основы. Однако в его

[3] Ложкин В. В. К вопросу об изучении состава участников социал-демократического движения в России (1883–1903 гг.). Методика обработки данных.– История СССР, 1983, № 2, с. 90.

[4] Эссен М. Об институтах по истории партии.– Пролетарская революция, 1930, № 5(100), с. 288–289.

книге заметно другое: уверенность в подсчетах до десятых долей процента и категоричность выводов. Такая смелость – скорее дань традиции историко-партийной историографии, чем результат исследования.

Высказанные соображения приводят к выводу: нельзя письмами В. В. Ложкина и К. Ф. Шацилло ставить точку в начавшейся дискуссии. Разговор нужно продолжить, поскольку он не о мелочах, не о частностях.

*Н. В. Блинов,*
*доктор исторических наук,*
*профессор*

## БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Внимательно перечитали мы материалы дискуссий на конференции, посвященной актуальным вопросам исторической науки и литературы. Трудно переоценить значение таких дискуссий для нашего поколения активных участников первых пятилеток, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления и развития страны. Раскрытие белых, а точнее, черных пятен послеоктябрьской истории дает информацию и пищу для глубоких раздумий и пересмотра установившихся ошибочных понятий и концепций. Такой пересмотр легче удается осуществить тем, кто всерьез изучал труды В. И. Ленина, учился у него. Люди нашего поколения, вошедшего в сознательную жизнь во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов, те, кто хотел учиться марксизму-ленинизму, начинали это с «Азбуки коммунизма», от нее переходили к работам Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, а затем К. Маркса и Ф. Энгельса. Только потом на наших книжных полках появились «Вопросы ленинизма» И. Сталина.

Поэтому мы решительно протестуем, когда людям нашего поколения стремятся пришить ярлык сталинистов. Повторяем, мы учились у Ленина, и это, а также все пережитое нами за послеоктябрьский период дает нам возможность более объективно взглянуть на наше недавнее прошлое, отвергнуть конъюнктурный подход, уйти от стремления перенести современный взгляд на пройденный путь нашего общественного развития, на эпоху, ушедшую в историю, весьма сложную, бурную, противоречивую, с борьбой и быстрой сменой социальных условий жизни.

Вот почему нас не может не волновать чрезмерный накал страстей, риторика и суесловие в речах, в которых в пылу полемики нередко выплескивается только негативное отношение к нашему недавнему прошлому, вплоть до отрицания социалистических основ нашего общества, нашего образа жизни. Эта последняя крайность глубоко оскорбляет нас тем, что беспардонно перечеркивает борьбу, труд и стремление нашего поколения к лучшему будущему. Как можно забывать, что любой этап развития несет в себе свои диалектические противоречия? Как можно не замечать противоречий истории периода культа личности, противоречий между борьбой за власть в высшем ее эшелоне и революционным подъемом широких народных масс? Как можно не замечать тех огромных преобразований, которые произошли в нашей стране за годы Советской власти? Конечно, и нам хотелось большего и лучшего. Во времена нашей далекой юности мы не могли предположить, что в эпоху «развитого социализма» появятся такие социальные болезни, как коррупция и протекционизм, безответственность и разгильдяйство, пьянство и алкоголизм, наркомания и проституция, сохранится бескультурье. Все это глубоко чуждо природе социализма. Но все это не заслоняет от нашего взгляда в прошлое всего того, что сделано первыми поколениями советских людей.

К сожалению, на конференции было высказано немало безапелляционных суждений, бездоказательных, плохо аргументированных положений. Много было риторики и горячности, а порой и бестактности по отношению к инакомыслящим. Именно так прозвучало на конференции выступление В. П. Астафьева. Должны это сказать, несмотря на наше весьма уважительное отношение к нему как к писателю. В самом деле, разве не безапелляционно звучит его высказывание об «Истории Великой Отечественной войны»: «Более ловкого документа, сфальсифицированного, состряпанного, сочиненного мы не знаем»? И не последовало за этой хлесткой фразой никаких фактов и аргументов. Ну как тут можно вести какую-либо полемику, какую-либо дискуссию? Эта громкая фраза просто повисла в воздухе. Вместе с тем В. П. Астафьев проявил удивительную для участника Великой Отечественной войны некомпетентность в знании ее истории, в вопросах военной науки.

Мы не умели воевать в начале войны – этот тезис не требует доказательств. Он доказан трагическим ее началом, поставившим страну перед катастрофой. Одному из нас довелось вступить в войну в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 г. в 30 км от западной границы СССР, в печально известном Белостокском выступе, пережить весь трагизм и позор отступления, окружения и тяжелого выхода из него, потребовавшего за 40 дней